

АЛЕКСЕЙ ШЕПЕЛЁВ

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ТАМБОВСКОЙ ГЛУБИНКИ

(о её людях, извечных проблемах и восстанавливающихся храмах)

Не в глушь беспросветную, не только в недостижимые горы, тайгу или тундру можно устремиться в поисках корневой, настоящей глубинки – иногда она рядом... Минувшим летом довелось мне побывать с писательским “рабочим визитом” в такой мне близкой – и, увы, уже и такой далёкой, поскольку без малого пять лет живу в Анапе – чернозёмной сельской окраине. В родном Мордовском районе, а также в живописнейших местах центральной России – Инжавинском и Уваровском районах Тамбовщины. Река Ворона, леса, урочища Воронинского заповедника – топонимы довольно известные, привлекающие туристов. Однако мой небольшой вояж лишь частично совпал с маршрутами, которые можно найти в Википедии или на туристических сайтах. Конечно, и не из окна автобуса я созерцал местные красоты: своего рода вежами поездки стали храмы, общение с обычными – чаще, как оказалось, православными – людьми. Но поделиться впечатлениями мне бы хотелось не в стиле “о православии для православных”, а для всех любопытствующих и небезразличных.

1. Дороги, медицина, культура

В советское время здесь, понятно, не было никакого захолустья. В лихие девяностые, что и естественно, всё перевернулось, покатилося... И дальше, в “нулевые” годы, – наверное, не зря так названные – так и шло всё некое сползание, вялое брожение, очередной, как и везде почти, застой. Теперь же, как ни крути, уже и на чернозёмные просторы, на уцелевшие “населённые пункты” сёл и деревень шаг за шагом что-то движется, наступает нечто: словно опоясывающая всю Землю тень – на наш прежний старый плетень... Ещё

Алексей А. Шепелёв родился в 1978 году. Прозаик, поэт, журналист, радиоведущий, автор нескольких книг стихов и крупной прозы. В том числе книг “Echo” (СПб: Амфора, 2003), “Настоящая любовь/Грязная морковь” (ИД “Выбор Сенчина”, 2017), “Мир-село и его обитатели” (М.: ЭКСМО, 2017) и др. Кандидат филологических наук (диссертация о творчестве Достоевского и Набокова). Лауреат премии “Нонконформизм” (2013), финалист премии “Дебют” (2002), премии Андрея Белого (2014), премии им. И. Анненского (2019), премии “Чистая книга” им. Ф. Абрамова (2019). Живёт в Анапе.

одна “-ция”, как будто невольно, сама собой подступающая – “без идеологии” и указки сверху – “объективно необходимая”!..

В самом Инжавино, как и в Мордово, кругом приметы глобализации: “Пятёрочка”, “Магнит”, “Фикс прайс”... Ассортимент – такой же, как в Тамбове или в Анапе, что вообще-то отрадно. Но с другой стороны, оба, допустим, этих райцентра – как братья-близнецы. Люди, конечно, уже рождаются не как когда-то в городе N – дабы постричься, освежиться вежеталем и сыграть в ящик, – можно ещё примагнититься к супермаркету (даже “у нас, в деревне”!), к различным кредитам и займам (под те ещё проценты!), к магазину компьютерных безделушек. Если в сельских клубах кино давно уже не крутят (дай Бог, музыку), то в райцентрах и маленьких городках (Расказово, Кирсанов, Уварово) в последнее время начали переоборудовать кинотеатры по государственной программе, якобы для показа “преимущественно национальных фильмов”. Однако, здесь, в Инжавино, выходит, что на деле всё с тем же репертуаром американских блокбастеров, на самокупаемости. Культурная глобализация: 3D – всегда и везде! Только щупальца “Макдональдсов” сюда пока ещё не дотянулись...

Недавно мне знакомый молодой педагог из Питера, читавший мою книгу “Мир-село и его обитатели”, присылает ссылку с комментарием: “Вот про вашу Сосновку – как там всё расстроилось и обустроилось!” Это короткий рекламный ролик конкурса “Учитель года”, один из этапов которого проходил в районном посёлке Сосновка (а у нас село с тем же названием и в Мордовском районе). Я ответил, что памятник воинам в центре села практически такой же, заборы и трактора такие же, а дальше сельские природные виды смикшированы с архитектурными видами Тамбова! Показали и некий Образовательный Центр, чуть ли не трёхэтажный, но потом как-то быстро исчез этот ролик, и в Сети мне почему-то не удалось найти ни про мероприятие, ни про центр. А тут, в Инжавине, видел своими глазами: что называется, “отгрохали” – в хорошем смысле слова! – Центр для детей с ограниченными возможностями. Действительно, впечатляющее для глубинки большое двухэтажное здание на фоне живописных местных ландшафтов. Нужно дело, тем более что для детишек не только из своей области.

Раньше, в советские годы, Инжавино, конечно, славилось своим кардиологическим санаторием. В те времена даже самым закоренелым домоседам-колхозникам выписывали бесплатные путёвки. Помню чёрно-белые нечёткие фотки – именно в этом санатории отдыхал отец. Моря люди за всю жизнь не видели (да и сейчас не видят), а сюда хоть раз, но всё же приходилось. И вот теперь мы едем туда же. За рулём – преподавательница православной гимназии, рядом – её брат-пенсионер, работавший по юридической части. Он объясняет юридические тонкости нынешнего “ненарушения законодательства”: процедура банкротства, смена владельца... И вот мы за шлагбаумом, на территории. Вокруг – сосны, озон, тропинки с шишками, любопытные дятлы скачут, благодать... Но природа уже наступает, заросли, а в них – те самые корпуса. Разбитые стёкла, как после бомбёжки. Всякая рухлядь, разбитые стулья. Ещё год назад здесь всё работало, отдыхали сотни людей. Потом поселили беженцев с Донбасса – история знаковая, и, наверное, не только для здешних мест. Многие аборигены, передаёт подробности отец Михаил Дымсков, священник из Инжавино, не находили себе места, когда услышали в новостях, что беженцам “выдают по восемьсот рублей в сутки”. На самом деле, естественно, их не давали на руки, речь идёт о суточной норме компенсации от государства. В нашем разговоре батюшка верно замечает, что культивировать в народе ненависть (что часто делают и наши, российские, СМИ, в первую очередь телевидение) – что хорошего на этом построишь? Простонародные чувства только подогреваются. Педагог из гимназии рассказывает о родственниках с Украины: приезжают, начинается разговор вроде бы нормально и обыденно, с погоды, грибов и рыбалки, но через несколько минут уже сыплются претензии и даже оскорбленья. “Мы” и “они” – и у них, и у нас. Образ врага – классика жанра. “Как вы можете: вы же христиане! Людям помочь надо”, – передают, что отец Михаил именно так обратился по этому поводу к своей пастве. Сам он рассказывал, что в начале его служения нештучные страсти кипели в самом райцентре – имущественные споры и т. д., объединялись в партии и методы друг против друга предлагали молодому батюшке (через несколько лет ставшему благочинным всего района) использо-

вать примерно те же самые, что применяются в политике, а часто и в госуправлении — “этих”, “их” изолировать, изгнать, наказать, оштрафовать. На что молодой священник со всей категоричностью заявил: “У меня другого прихода нет. Какие вы есть, с такими и будем жить и работать. Все вместе”. И, как ни странно, постепенно острые конфликты утихли, даже “поджигатели” понемногу примирились.

Под Инжавином ещё птицефабрика — известное предприятие, тоже меняющее собственников, хотя и не так драматично. Для аграрного района хорошая вещь, спрос на продукцию есть, но работа там весьма трудная.

* * *

Проездом пришлось побывать и в Мичуринске. “Наукоград”, как его рекламируют, это громко сказано! По сравнению с прилизанным Тамбовом здесь как будто время отмотали назад, в конец 90-х. Заходишь, допустим, в маршрутку — настолько всё старое, обшарпанное, повсюду в них сиденья грязные, изодранные-изрезанные, вонючие — мало где такое нынче увидишь. Примерно то же в автобусах, на автовокзале, на многих улочках. Навязчивый сервис таксистов привокзальных — как ни приедешь, сразу пупок какой-то хватает чуть ли не за руку, а уж словесная агрессия такая, что будь я чуть больше комплекцией и поординарней сознанием, впал бы в искушение ответить не по-христиански. “Для науки” — той самой, градообразующей.

Довелось и в райпосёлке Мордово побывать, “по делу” — искушали клещи, пришлось спозаранку в больницу в райцентр поспешать. Дорожка наша от села до большака — тридцать три вилюшки, колдобина на колдобине, 9 км петлять чуть ли не час! Собрали деньги, сделали недавно проект реконструкции — и на этом точка. Даже ремонтировать уж лет пять как перестали. Июль, август — одна за одной стегают тут непомерно длиннющие фермерские фуры, громят так, что земля в домах сотрясается, а по улице села пыль клубами стелется, и весь день она висит, дышать нечем. Новым порядкам капитализма до лампочки, что сушь всё лето, что люди кашляют, а уж тем более какое-то там разрушение почв и нарушение экобаланса — им бы поскорее вывезти. И эти “крупные производители”, старающиеся “для вас, для нас” — для супермаркетов! — годами громят и пылят, добывая последние остатки былой (советской, конечно, а какой же ещё!) дороги: будто военная техника, одетые в броню и обутые в суперрезину многотонные грузовики и джипы. Но глобализм этот с одной стороны, как бы с внешней. Внутреннее мировоззрение нынешнего сельского человека тоже изменилось, и не в лучшую сторону: остатки колхозной “философии” наплевательства-шапкозакидательства соединились в нём с чем-то узко-собственническим, признающим право сильного, откровенно кулацким. Какие же тут дороги!..

На въезде в само Мордово — метров триста такой же асфальт — ни дать ни взять лунная поверхность. А ведь ездят люди как раз в больницу, по всяким неотложным делам и нуждам. Двадцать-тридцать вёрст — вроде бы и недалеко. Клещей тащить — пинцет нашёлся, но такой же, каким я дома уже тянул безуспешно. В итоге выковыряли иглой от шприца. Да и в самой больнице — тут вам охотно всё расскажут и покажут (мать в стационаре не раз лежала): провисшие кровати допотопные, пропитанные запахом не одного поколения больших матрасы, жарница, а шторок на окнах нет — “район бедный, дотационный”, на всё бытуют отговорки в этом роде.

Дороги и медицина — это, конечно, “наша гордость”, кто их не понаслышке знает, и не только в больших городах. Культура тоже — под натиском замещающих само понятие о ней “макдональдсов” и гипермаркетов. Но мне после поездки всё же хочется поведать о чём-то хорошем, что ещё кое-где “по укромным углам” у нас осталось.

2. Восстановление храмов, евроремонт усадеб и беседки с вай-фаем

Посмотреть здесь есть на что. Отец Михаил вызвался всё показать. Отправляемся в Уваровский район, в село Ольшанка, в документах всё ещё зовущееся Красное Знамя. Здесь была усадьба Воейковых, предков художника Василия Поленова, с построенной ими в 1843–1860 годах Воскресенской церковью.

Нас встречает настоятель, отец Владимир – высокий, статный, седой, с благородными завитками морщин во лбу. Чёрный подрясник, серебряный крест на груди. Как будто толстовский отец Сергей. Но у того глаза “горящие, как угли”, а у о. Владимира взгляд добрый и борода точь-в-точь как у Санта-Клауса. (Да простит он мне эти писательские фривольности!)

– Молодой? – с улыбкой переспрашиваю.

Сколько уж писателю быть молодым!

– Я со своей колокольни, своих 70 годов.

Колокольни в его храме целых две – весьма необычно. Посреди них – большой купол, сейчас только полусгнившие от непогоды деревянные рёбра. Красный кирпич, старинная кладка, какходишь – что-то католическое чудится. Шесть колонн для опоры, шестигранник в основании, двенадцатигранный барабан, окна в нём с цветными стёклами. Красотища. Говорят, конфигурация церкви восходит к планировочной структуре Иерусалимской ротонды Воскресения над Гробом Господним. Даже не верится, что всё это великолепия и величие – посреди полей и зарослей. Впрочем, раньше здесь была и барская усадьба, пруд, конюшни, парк...

Отец Владимир говорит о том, что удалось сделать. Расчистили завалы, стёкла вставили, ступени забетонировали. Показывает и рассказывает – бесплатная экскурсия. Немного печальная, потому что, глядя на остатки былого великолепия и благолепия, думается: “И ещё утверждают, что цивилизация развивается!” Руки у него человека рабочего, а разговор интеллигентный.

Кажется, что без штукатурки внутри церковь поражает ещё больше. В центре на аналое редкая икона – “Святое семейство”, Спаситель на ней изображён в виде отрока за работой плотника.

Ещё больше поражает, спустившись в подклеть – в “подвал” под церковью. Недавно всё расчистили, высушили. Какой простор, какие своды! Здесь можно уместить ещё один, подземный храм – как, например, церковь Константина и Елены в Новом Иерусалиме. Назначение этого очень просторного “цоколя” не совсем понятно (по-видимому, здесь был фамильный склеп, а также котельная для отопления храма), но теперь такие постройки точно не строят, а здесь – готовое бомбоубежище.

Отец Владимир проводит и по окрестностям, воскрешая историю. Что-то делается и сейчас. На берегу пруда возятся с бетоном рабочие. Идём вдоль заваленного деревьями и затянутого ряской канала, вот пруд (днище было вымощено булыжником), вот знакомый вид – по картине Поленова “Ольшанка”.

“Только теперь тут в кадре памятник самому художнику, интернет-мем такой”, – смеётся молодой о. Михаил. И памятник такой в кладбищенском стиле, будто современное надгробие. Администрация – не без некоего иронизма продолжает наш проводник, беседки только делает да лавочки. Заходим в одну беседку, о. Михаил щёлкает выключателем – лампочка не загорается. Россия! “Тут вай-фай, наверно, включается”, – шучу я, батюшки смеются.

Осмотрев все ближайшие окрестности и всё хозяйство (а также небольшой музей художника и его предков), пьём прямо в церкви чай с травами. У окна на лавке под прикрытием материи угадываются очертания человеческого тела – такова церковная жизнь, жизнь и смерть здесь всегда рядом.

* * *

Дальше путь держим в деревню со сходным названием – в Ольховку, что близ Инжавино. Здесь оказалось, что церковь открыть и показать некому, решили просто заскочить глянуть. Рядом заодно – излюбленное место для пикников – для самих инжавинцев; а для приезжих – открыточный вид с холма на змеей извивающуюся блестящую Ворону, зелёные, с движущимися тенями от облаков луга, островки смешанного леса и обрамляющие горизонт заросшие горы... Чуть влево – фермерские пашни: уходящие в большущие овраги гряды и клинья чернозёма, и уже зеленеющие овёс и “семечки”... Вид, как на море и горы – и даже как-то лучше, органичнее, и никакое море и никакие горы не нужны – такое непривычное для горожанина природное изобилие!..

Анапский житель, я даже произношу эту тираду вслух. Отец Михаил, только неделю назад вернувшийся из паломнической поездки в Италию, щурясь на солнце, соглашается.

Церквушка деревянная, но не на срубках, покрашенная, для средней полосы начала прошлого века, наверное, “типовой храм”. Покрова Пресвятой Богородицы называется, заново открыта в девяностые и даже признана памятником культуры. Берёзки, сосны — благодать, да и вообще вокруг — самая деревенская глушь, как такую гармонию нарушить! Евроремонт в церквях — проблема, своего рода бич наших дней. В новоподелах некоторых вся эта внутри пластиковая отделка, да и реконструкция, когда своими силами, — “в зубы не смотрят”. И не только в храмах: в музеях, в усадьбах. В Доме Гоголя, например, московском сбацили пластиковые окна — можно ли теперь поверить, что тут жил Гоголь? Разве только тем, кто других-то окон и отродясь не видал.

Вот и тут, чтоб церковь совсем не развалилась, не обошлось без пресловутой отделки “современными материалами”. Но, как ни странно, не чрезмерно сделано, по глазам не бьёт: обделана лишь верхушка колокольни да барабанчики уже по-современному типовые. Или в той же Ольшанке вот у отца Владимира, он показывал, недавно дверь поставили — чтоб хоть не дуло. Со спонсорами и изготовителями нашли компромисс: пусть и современная, но неброская, подходящая в тон зданию (а то помню, как в подмосковных Бронницах установили новые ворота на колокольню в центре города — натуральная офисная дверь, за километр своей новизной сияла!). Окна в церкви Воскресения тоже частью вставили пластиковые, но в специально изготовленных подходящих по колориту рамах.

* * *

На следующий день спешаем к другой достопримечательности. Построенная семьёй Чичериных Свято-Троицкая церковь в селе Караул, бывшем родовом имении Чичериных. Здесь прошли детские и юношеские годы наркома иностранных дел Георгия Чичерина. Да и вся его семья, если можно так выразиться, была не только дворянской, но и дипломатической.

В советские годы заступничество известного дипломата какое-то время помогало усадьбе и храму. Но всё равно усадьбу растащили и сожгли, в церкви устроили склад зерна, выломали, чтоб заезжать на машинах, стену.

Взбираемся, входим. Большущий купол, расписанный когда-то, как утверждают, самим Васнецовым, уже не угрожает падением кирпича на голову. Наверное, отсюда должен требовательно и даже грозно взирать на нас лик Христа Вседержителя. Постепенно восстанавливаются — довольно похожим кирпичом — опоры и своды. На колокольне частично сохранилась винтовая лестница, и сейчас можно подняться и спуститься.

Усадьбе Чичериных, а заодно и храму, что и говорить, повезло — министерство иностранных дел профинансировало, поддержало честь мундира. Два года назад началась реставрация. А у минкульту на Поленова и храм денег нет...

Жили, конечно, неплохо, широко. Говоря простонародно, было от чего и Богу отрядить. В доме было 38 комнат, общая его площадь составляла более 1500 кв. метров. Гостиную украшали коллекции полотен русских (Тропинин, Серов, Айвазовский и др.) и европейских (Веласкес, Веронезе, Ян ван Гойен и др.) художников. Каретный двор, автором проекта которого был С. Боратынский, младший брат поэта Боратынского, имел вид каменной зубчатой крепости в готическом стиле (от неё и посейчас ещё кое-что осталось). Но и церковь, надо сказать, — не маленькая!..

Раньше, размышляю я, вся Русь на этом и держалась: как бы ни ругали нашу веру и ни клеймили поповство, именно православные храмы повсюду были своего рода островками культуры, опорными пунктами — всё же не однообразные стаканчики и не беседки с вай-фаем. Иногда бастиионы — большие каменные соборы, богатые усадьбы. Иногда — маленькие церквушки, деревянные, в бедных деревушках, в глуши, в чистом поле, в чащобах. А по нынешним деньгам страшно подумать, сколько бы стоило возвести такую церковь!

У стен-руин — две восстановленные могильные плиты Чичериных, а два метра вбок — заросли какой-то тропического вида травы, а ещё чуть дальше — сто лет назад одичавший барский сад, такие вообще непролазные средне-русские джунгли.

Но, как ни странно, и нынче кое-кто пытается. У отца Михаила его храмик в Инжавино, в котором он десять лет служит, совсем крохотный – это должен был быть дом священника, домик даже... Домик батюшка себе нашёл попросторнее, тоже деревянный, чуть ли не конца XIX века постройки. А вот храм о. Михаил Дымсков решил-таки построить новый – просторный и каменный, прямо рядом со своим, в центре райпосёлка на улице Советской.

3. Чудотворная икона, строительство новой церкви и священник-айтишник

Ситуация типичная. В наше время не лишённая, конечно, ещё и граничащего с дебилизмом комизма. Когда священник начал собирать деньги, простые люди ему отвечали: “Да мы-то что? Давайте Максиму Галкину письмо напишем!” Потом поступило предложение Киркорову грамотно челобитную составить. Ассимилированному с телящиком сознанию как доказать, что указанные господа-небожители не меценаты-храмоздатели, они лучше по двадцатой даче себе отстроят, разве что указать на то, что К. и Г. уж точно в паре работать не будут.

В общем, пока не появился котлован, а затем фундамент и первые ряды кирпича, – мало кто вообще верил в проект “на словах” – всё равно что вилами на воде. Но не зря тридцатилетний отец Михаил – знатный интернетчик: он не ограничился лишь увлечением Linux-программированием и одним своим сайтом-блогом, со временем взял на себя всю сетевую поддержку Уваровской епархии (в которой, кстати, и собственное телевидение есть!*), став главой её информотдела. Начал собирать средства краудфандингом (см.: <http://храминжавино.рф>). И довольно успешно. Как только местные жители, фермеры, например, увидели “вещественные доказательства”, потихоньку пошла и от них помощь.

Местные СМИ довольно бодро рапортуют о возведении нового храма (в честь покровителя Инжавинской земли Николая Чудотворца), но мало кто описал трудности. “Я понимаю и морально готов к тому, что строить, возможно, придётся долго, – говорит о. Михаил, – может быть пятнадцать лет, даже двадцать, как в старину строили”. Я не могу удержаться, чтобы не сообщить между делом, что в Анапе, прямо у нас под окном, буквально на глазах, за каких-то полгода, возвели новую обширнейшую церковь во имя св. князя Владимира – уже колокола установили! Поначалу, продолжает рассказ священник, стройфирмы спрашивают: а сколько, мол, у вас денег? “Полтора миллиона”, – отвечаю. “Эх, – вздыхают, – нам бы миллиончиков 10–12 для начала, чтоб хоть технику подогнать!..” И тут неожиданно помог кризис на строительном рынке: все стали браться хоть за какую-то работу.

Кирпичи мне даже издалека показались знакомыми, а вблизи и подавно: растрескавшиеся такие, шершавые – нашего, новопокровского завода, в юности пришлось мне их попестовать. Не самые дорогие и лучшие, однозначно. На внутренней стороне невысокой ещё стенки – подписанные краской имена, это чем-то напоминает подъездное творчество, но коли вдуматься, такое ноу-хау – скромнейший районный эконоом вместо пафосно отформованного тщеславия.

В центре композиции – упакованные в полиэтилен бетонные или металлические кольца. “Это купель, – объясняет о. Михаил, – чтобы можно было погрузиться с головой. Я и сейчас, когда есть возможность, некоторым взрослым говорю: а хотите креститься по-настоящему?..”

По замыслу и проекту храм Николая Чудотворца будет величественным и просторным. В цокольном этаже планируются помещения для воскресной школы. Дай-то Бог!

* Возможно, в этом случае, как и в некоторых других местах данной статьи, к автору могут быть вполне резонные претензии из-за пресловутого выноса сора из избы, но хотелось бы и здесь упомянуть, что через год-два ТВ планируют закрыть. Таковы побочные эффекты госпрограммы перехода на цифровое вещание: чтобы не возиться с новой техникой, с дорогостоящими передатчиками, местные мелкие телекомпании лучше просто упразднить.

Личность самого отца Михаила меня, честно говоря, заинтересовала. Священник-айтишник — звучит-то как! Сначала даже показалось, что тут чуть ли не гоголевский юрисконсульт-философ или ильфо-петровский гусар-схимник недалеко стоят. Но нет — айтишник он и впрямь крутой (даже мой ноутбук, с которым я давно мучился, вмиг починил!), более того — “игрок, но без азарта” (собственное его определение), священник-геймер! WhatsApp, Telegram, Viber, соцсети — всё в кармане. “Некоторые компьютерные игры считаю произведением искусства и в лучшие из них играю”, — как вам такая самохарактеристика? Здесь я с ним мало в чём смог согласиться (сам-то никогда ни во что не играл, соцсетями и гаджетами не увлекаюсь), но позиция любопытная, как будто открывающая некий новый типаж современного священника. Такому батюшке, наверно, весьма легко найти общий язык с подрастающим поколением. И новый тип здесь — в хорошем смысле, не однобоко активности шизоидной, на опутанности гаджетами держится: проповеди о. Михаил говорит великолепно — без всех этих заученных и обтекаемых фраз, молитвы не комкает, а, наоборот, читает “как будто по-русски”. Довелось и крестить с ним в Тамбове — кума и родители крещаемого, мои друзья, филологи по образованию, испытали культурный шок, что “в церкви так всё понятно”!

Да и не мудрено: оказалось, что батюшка ещё неплохо разбирается в современной русской словесности! Что нынче, по моему опыту, и среди учителей-русистов и даже преподавателей вузов редкость. На этом, конечно, сошлись: обсудить ведь есть что. Или поспорить: рок-музыку он ещё уважает, но современную отечественную (я напротив — западную и уже старую), в кинематографе “весьма прошарен” — но как-то больше под стать геймерству — голливудском, а я, наоборот, — в российском новом. Снимает фильмы, замышляет клипы для неформально-пародийного ютуб-проекта “Поп-ТВ”. И уж последний штрих: уже несколько лет инжавинский благочинный занимается лёгкой атлетикой — бегом на 5 и 10 км (!), и краем глаза я, оказывается, видел (потом вспомнил, когда узнал) кое-какие его спортивные трофеи. Для провинциальной нынешней молодёжи — тоже некий пример.

Но главное, о чём надо было в начале статьи писать, это святыня Уваровской епархии — Карандеевская икона Божией Матери “Всех Радующих Радость”. Икона чудотворная, и не просто в народной молве: многочисленные чудеса исцеления отражены в архивных документах, силами епархии, в частности, по инициативе того же о. Михаила, материалы эти были в районных и областных архивах собраны и проанализированы, и даже легли в основу документального фильма об этой святыне.

Инжавинский район — один из эпицентров Антоновского восстания. Икона, почитавшаяся ещё с конца XIX века, была обретена в эти роковые годы установления Советской власти в деревне Карандеевка под Инжавином, и в советское время её чудом сохранили местные жители. Долгое время реликвия хранилась в Михаило-Архангельской церкви в соседнем селе Терновом, которую терновцы отстояли, не дав полностью разрушить.

Документы сохранились как дореволюционные, так и всего периода СССР, но в советские годы факты исцеления скрывались. Лишь недавно, около десяти лет назад была возобновлена традиция крестного хода с Карандеевской иконой на реку Ворона. Народу собирается немного, поменьше, чем раньше (в архивах встречаются цифры с десятками тысяч человек), но тоже немало, собираются со всего района, многие из Тамбова и области, а кто-то специально приезжает и из других мест. Лишь в этом нашем странном 2020-м, впервые за несколько лет, всеобщий крестный ход не состоялся.

Сегодня сонный пейзаж, как удачно сказано в фильме, оживляется лишь недавно построенным на живописном берегу туристическим комплексом “Русская деревня”. Здесь мы увидели нескольких отдыхающих из Питера, пообщались с ними. От природных красот, естественно, жители мегаполиса в восторге, в коттеджах им нравится, познавательны для них и поездки по окрестностям, к святыням и достопримечательностям.

Фильм профессиональный, с серьёзной исторической основой (архивной и интервью со старожилами), хотя и со скромным бюджетом. Начальная часть средств также была собрана в интернете. Отснятый материал распределён две часовые серии, сейчас заканчивают монтаж первой. Рабочее название — “Занимается день”. Показывать фильм планируется на православных каналах “Союз”, “Спас”, на кинофестивалях, возможно, на канале “Культура”.

* * *

Кое-что, как мы увидели, возрождается, но не всё в нынешней церковной жизни так гладко: это только по большим праздникам люди в храмы толпами валют. В бедных приходах в глухих деревнях служить некому, молодых священников сюда калачом не заманишь. Отец Михаил, по службе работник с духовными кадрами, как никто всё это знает. Он, например, рассказал историю старого священника, у которого больные ноги, он уже едва может ходить, службу сидя служит — но всё равно ведь служит, не может же бросить горстку своих прихожан. Если не он, то приход закроется. Это отец Владимир Лагутин, настоятель храма Казанской иконы Божией Матери в селе Курдюки. Молодой и, главное, неместный клирик здесь, скорее всего, просто помрёт голодной смертью: в деревне осталось пять дворов, грунтовую дорогу весной и осенью размывает так, что на “УАЗе” или “Ниве” не пробиться.

Вообще в глубинке церковь играет видную роль. Это в городах кругом всем чудится “коварный клерикализм”, а на селе инициативных людей мало, таковые отсюда давно поразъехались. А священник, как правило, присланный по распределению из города, из других мест, — реальный человек, который может помочь не только в духовных, но и в бытовых, в хозяйственных вопросах.

Рано утром отец Михаил едет служить литургию в посёлок Землянский. В построенную здесь несколько лет назад церковь Николая Чудотворца. Строили и впрямь всем миром, большая заслуга в этом жительницы посёлка Александры Шмельовой — сначала она занималась обустройством храма в старой крестьянской избе, затем было принято решение о возведении нового здания.

Но если крохотная, словно домовая, церковка Параскевы Пятницы в Инжавино (именно здесь в последние годы находится чудотворная икона) и впрямь не вмещает всех желающих, то здесь, в только что открытом храме, оказалось на литургии всего пять человек прихожан (!). Деньги пожертвовали, стены возвели, всё, наконец, благоустроили — но не это, оказывается, главное...

С одной стороны, конечно, понятно: и день не особо праздничный, заботы сельские, и утро раннее... Всё по-семейному: батюшка служит, поёт вместо хора его мать, передо мной в очереди на исповедь и причастие — дедок да бабушка...

Два школьника, лет по двенадцать, прислуживают в алтаре. После службы и скромного чаепития с прихожанами бабушка всё отводит священника в сторону, приговаривая: “Уж вы учите их, батюшка, учите!..”

Как любой здравомыслящий, и я грешным делом было подумал: чему и как они здесь смогут научиться? Но вскоре спохватился: да хотя бы тому, чтобы не быть как большинство тинейджеров, которые мне отвечали, что, зайдя в храм, чувствуют себя не в своей тарелке, “как-то неуютно”. Или как совсем детишки: “Батюшку боюсь!” Да и взрослые — быстрее зашёл, протолкался, свечку поставил и бегом вон — как из чумной бани. “Может быть, если понравится, что-то почувствуют, в семинарию потом кто-то из них поступит”, — предположил отец Михаил.

* * *

В конце путешествия побывали и на источнике Серафима Саровского в селе Паревка. По пути отец Михаил рассказал, что село это также известно тем, что оно дало миру двух архиереев. Один из них прославлен в лике святых — святитель Афанасий (Сахаров), большую часть своей архиерейской

жизни, в 20–30-е годы, проведший в ссылках, в лагерях и тюрьмах, но духовно этим не сломленный. С гор здесь бегут ключи, по преданию, раньше этот источник, почитаемый чудотворным, бил фонтаном, оглашая шумом округу. Журчит он и сейчас, в обустроенной деревянной купальне. Вода и впрямь вкуснейшая, необычная, но для купанья пока слишком холодная.

Буквально в трёх метрах от часовни – жилой домик, уже старенький. Дедок какой-то выходит. Видно, людей тут не так часто увидишь. Тем более, батюшку.

Пока я осматриваю и даже фотографирую, мужичок всё липнет к отцу Михаилу, о чём-то говорит.

Тот что-то отвечает, но как-то непривычно обтекаемо, в третий раз говорит “спасибо”.

Прислушавшись, я понимаю, что дедок тарыхтит что-то невнятное, как будто что-то хочет сказать или что-то спрашивает, но от старости уже невозможно понять, что. Он просто хочет общения. И батюшка ему отвечает.

Вот так, подумалось мне, и человек – приходит в церковь, к Богу со своими невнятными, подчас несуразными вопросами, подчас уже в конце жизни... Церковь может ответить, отвечает внятно, но ты-то её хочешь услышать?..

* * *

И совсем уж смешной случай, в духе ранних фильмов Хлебникова, поведал мне по пути отец Михаил.

Попросили его как-то провести экскурсию по одному из главных храмов Тамбова. Да не простую. Персональную. А именно: для Геннадия Онищенко, главного санитарного врача страны.

Было всё чин чинком, пока не спустились в какой-то раскоп, где восстанавливали старый фундамент – сам гость туда пожелал.

Оказалось, там на груде кирпичей сидел какой-то мужичок. Сидел, видимо, долго, курил... .

И тут делегация – священник, главврач в хорошем костюме и два амбала по бокам, тоже в костюмах... Тот вскакивает и прямо к ним:

– Здорóво, мужики! – и по-мужицки тянет руку.

Отец Михаил пожимает. Онищенко тоже – весьма интеллигентно (профессор, академик РАМН!). Охранники вынуждены тоже. Но больно уж дымит и воняет своим окурком!

– Курить вредно, – находит что сказать главный гость.

– Минздрав предупреждает... – а Юрка распоряжаеть! – таков был ответ, прямо в яблочко. За точность концовки о. Михаил не поручится, но начало было именно такое, он еле сдержался от хохота.

“Дальше, – рассказывает священник, – я слово – он десять. Так и пришлось свернуть экскурсию!”

Вот она вам, глубинка, вот тот самый *настоящий* русский народ! Очарователен, конечно, в своей непосредственности, но даёт и повод задуматься над более глубинными вещами. “Полюбите нас чёрненькими”, что называется.

Вот так иногда и человеку, – отсмеявшись, стали размышлять мы с о. Михаилом над возможной моралью анекдота, – явись хоть архангел Михаил с целым сонмом, с предупреждением о том, что для нас губительно, а мы в своей суе и закоснелости даже ничего не поймём, так же по-простецки отмахнёмся и перебьём своим: “Здорóво, мужики!”